

Саратовский комбайн

Когда в середине XIX века американцы изобрели комбайн, моторов к нему еще не придумали, и его тащили по полю восьмеркой лошадей. Затем лошадей сменил трактор-фордзон. Такие комбайны попали и в Россию. Комбайн и трактор скопировали и наладили собственное производство.

В XX веке там же, в Америке, начали выпускать самоходные комбайны, они и удобнее, и производительнее. Приступили к работе над самоходным комбайном и у нас, но когда доложили Сталину, он отнесся к американской новации неодобрительно. Ставить мотор и на трактор, и на комбайн он посчитал расточительностью. Весной трактор тащит за собой плуг, пашет, осенью на уборке тот же трактор буксирует комбайн. Один мотор работает круглый год, не простаивает. Может быть, в тридцатые годы такая экономия и имела смысл. Теперь же времена изменились, моторы производились в избытке, но старый запрет продолжал действовать. На полях трактор, волочивший за собой комбайн, разворачивался с тру-

дом и выглядел анахронизмом. К тому же тракторы постоянно требовались для работ то на ферме, то на стройке, а выпрячь их в уборочную страду из комбайна и думать не смей.

В стране в то время насчитывалось около ста тысяч прицепных комбайнов. Если их все переоборудовать в самоходные, выгода получалась огромной. Идея носилась в воздухе. Ее подхватили саратовские комбайностроители, приладили на прицепной комбайн мотор и трансмиссию от трактора, соединили их шкивами с комбайновой косилкой-молотилкой, и самоделка заработала. Саратовский «самоходный комбайн», не один, а пара десятков, поработали всю уборку и показали себя много лучше прицепных. В день убирали зерно с большей площади и горючего расходовали меньше. Ведь теперь мотор тянул не трактор с комбайном, а один комбайн.

В сентябре или октябре на совещании у Хрущева, докладывая о ходе уборки, саратовцы рассказали о своем нововведении. Отцу саратовская самоделка понравилась. На вопрос, можно ли их опыт распространить на всю страну, секретарь обкома Алексей Иванович Шибаев ответил, что все у них сделано профессионально, выпущены чертежи, проведены испытания. У отца не было никаких оснований ему не верить, да и Шибаев не врал, на уровне самоделки они все сделали добротно.

16 октября 1958 года газеты опубликовали информацию об инициативе саратовцев. Секретарь ЦК Николай Григорьевич Игнатов, он в те дни замещал отца, который после короткого отпуска на юге, инспектировал поля в Краснодарском крае, провел специальное совещание, посвященное переделке всех ста тысяч наличных прицепных комбайнов С-6 в самоходные, и поручил, присутствовавшему там заведующему Сельскохозяйственным отделом Бюро ЦК по РСФСР Мыларщикову договориться с Госпланом об организации работ. Тот позвонил Владимиру Николаевичу Новикову, председателю Госплана Российской Федерации. Что произошло дальше, я произвожу по воспоминаниям Новикова.

По профессии вооруженец-пушкарь, Новиков невоенные отрасли промышленности не жаловал, а уж сельскохозяйственное машиностроение вообще за машиностроение не считал. А тут какие-то, пусть и поддержанные Хрущевым, периферийные рационализаторы. Переделка ста тысяч комбайнов – не шутка, требовалось подключать заводы, выпускать серийно пригодные чертежи, проводить новые испытания. А главное, с таким трудом сверстаные годовые планы летели в тартарары. Новиков встал на дыбы и «отбрил» Мыларщикова. Мыларщиков пригрозил Новикову, что нажалуется Хрущеву. Новиков поостыл, и они договорились: к весне 1959 года переделать пару тысяч комбайнов в самоходные, летом их испытать, посмотреть, что получится.

Задание на переделку комбайна Новиков спустил не Саратовскому, а Ростовскому заводу. Он знал, что делал. Ростовчане не имели ни малейшего желания реализовывать навязанную им сверху «чужую» разработку. В то время они спроектировали и запускали в производство свой собственный самоходный комбайн. Они работали без охоты, из-под палки. Узнав, что дела у ростовчан обстоят не ахти как, Мыларщиков потребовал подключить к эксперименту другие заводы, чтобы посмотреть, у кого лучше получится.

Работы завершились в два с небольшим месяца, и уже концу декабря 1958 года экспериментальные образцы комбайнов, переделанных из прицепных в самоходные, привезли в Москву на ВДНХ. Мыларщиков хотел показать их Никите Сергеевичу. Новиков, в свою очередь, приказал доставить туда же опытные образцы других самоходных комбайнов.

24 декабря Хрущев вместе с Игнатовым, Мыларщиковым, Новиковым, министрами и всеми остальными заинтересованными лицами осмотрел четырнадцать вариантов переделки прицепных комбайнов в самоходные, а также самоходные комбайны Ростовского и Таганрогского заводов. Отцу понравились самоходные комбайны, но и с прицепными тоже требовалось что-то делать. Договорились дожидаться результатов испытаний. От комбайнов перешли к осмотру расположенной по соседству экспозиции колесных тракторов Минского,

Липецкого, Харьковского и Владимирского заводов. Вокруг них тоже велись нешуточные баталии. Сейчас уже мало кто помнит сталинскую концепцию гусеничных тракторов: считалось, что только они подходят нашему бездорожью. Но гусеничный трактор недолговечен, прогон гусеницы между ремонтами составлял около сотни километров, и гусеничные машины требовали много больше дефицитного горючего, чем колесные.

После войны в Америке появились высокопроходимые, не вязнувшие даже в весенней пахоте, колеса. Отец узнал о новинке и попросил разработать наш колесный трактор. «Гусеничники» встали на дыбы. Отец обратился за поддержкой к Сталину. Тот согласился с его аргументами, и Минскому тракторному заводу разрешили спроектировать колесный трактор. Результат превзошел все ожидания, трактор не только проходил, но и пахал, разве что не по болоту, расход горючего сократился почти вдвое. Тогда отец и поверил в колесные трактора.

Борьба между «гусеничниками» и «колесниками» продолжалась еще несколько лет, на сторону «колесников» переходили все новые силы, и последние победили. Осмотр экспозиции колесных тракторов – один из эпизодов этой эпопеи.

Попутно отец осмотрел и другие новые сельскохозяйственные машины: ходовой агрегат со сменными навесными приспособлениями, свеклоуборочный комбайн.

Сравнительные испытания комбайнов начались весной 1959 года на опытной площадке Ростовского завода. Ростовчане доказывали и показывали, что разработка Саратовского завода по всем статьям уступает подготовленному к запуску в производство их собственному самоходному комбайну. Саратовцы спорили до хрипоты. Представители других заводов, получивших задание на переделку комбайнов, держали нейтралитет, это дело им навязали.

Победили ростовчане, все подписали акт о нецелесообразности переделок прицепных комбайнов. Саратовцы приписали особое мнение, но его проигнорировали.

Акт отправили по инстанции в Госплан России Новикову. Тот, отослав копию Мыларщикову, попросился на прием к Хрущеву. Прочитав акт испытаний, отец расстроился, однако, настаивать на своем не стал, аргументы «независимой» ростовской комиссии звучали убедительно. Саратовская инициатива так и осталась не реализованной. Вскоре ростовчане, а вслед за ними и другие заводы, начали выпускать самоходные комбайны, а старые прицепные один за другим сдавали в утиль.

День за днем

31 июля 1958 года отец улетел в Пекин. На встрече с Мао Цзэдуном рассчитывал сгладить шероховатости, возникшие, как он считал, из-за бюрократии с обеих сторон, а на самом деле отражавшие его коренное расхождение с Мао в отношении к Сталину, сталинизму, точнее – к тирании и тиранам.

В Пекине он провел полтора дня, без протокола беседовал с Мао у плавательного бассейна. Внутренне отец начинал ощущать, что с Мао все не очень ладно, но расстались они внешне союзниками. В результате встречи Китай получил лицензию на производство реактивного бомбардировщика Ту-16, пару ракетных зенитных комплексов С-75. Через год они собьют над Пекином, на 20 километровой высоте, американский разведчик РБ-57Д, а еще через полгода такая же ракета собьет над Уралом еще один высотный разведчик У-2, пилотируемый Гарри Пауэрсом. Передавалось китайцам и другое вооружение.

По пути домой, отец выговорил министру обороны маршалу Малиновскому за то, что военные политорганы слишком увлекаются «изучением» военных трудов Мао Цзэду-на, издали его книги массовым тиражом, обязывают офицеров их конспектировать, как будто это Мао выиграл Вторую мировую войну, а не мы.

5 августа, по возвращении в Москву, отец встречается с лидером американских демократов Эдлаем Стивенсоном. Тогда у нас считалось, что он, а не Кеннеди станет в 1960 году кандидатом на президентских выборах. Со Стивенсоном приехал Роберт Такер, тот самый, которому отец посодействовал в женитьбе на русской.

8 августа отец отбывает в Куйбышев, там 9 августа торжественно пускают Куйбышевскую ГЭС. Отец выступает на митинге, осматривает станцию и проводит совещание энергетиков. И о нем я уже писал.

В Москву он возвращается на теплоходе, это первая поездка отца по Волге.

На следующий день после прибытия в Москву, 13 августа, он на машине уезжает в Смоленск, в тот же день вручает области орден Ленина, объезжает поля. Отец недоволен. 15 августа 1958 года, информируя своих коллег о поездке, он жалуется, что «болтают много, а дела не видно» и предлагает Секретариату ЦК и Бюро ЦК по РСФСР «подумать, провести серию совещаний к будущему сельскохозяйственному году». В Смоленск к его приезду «нагнали много милиционеров», отец тут же дает поручение: «Пересмотреть штаты милиции, сократить», а заодно перешерстить и охрану КГБ, навести порядок с почетными караулами, которыми местные начальники встречают теперь не только глав иностранных государств, что предусмотрено дипломатическим протоколом, но кого заблагорассудится.

Удручающее впечатление произвела на отца и смоленская гостиница. Немедленно следует поручение о «строительстве гостиниц в областных центрах».

Слова отца возымели действие, штат охраны сократили, почетный караул больше не выставляли, машина его двигалась по улицам в общем потоке, послушно останавливаясь на красный свет светофора.

А вот хороших гостиниц в областных центрах так и не построили. То есть построить построили, но ненамного лучше старых.

В 1958 году на экраны выходит знаменитый новый-старый фильм, вторая серия «Ивана Грозного» Сергея Эйзенштейна, запрещенная Сталиным после войны. Сталину тогда не понравилось, что Иван недостаточно грозный, «какой-то безвольный Гамлет», а его опричники выглядят «последними паршивцами, дегенератами, вроде американского Ку-клукс-клана».

– Не фильм, а какой-то кошмар! Омерзительнейшая штука! – заявил Сталин Эйзенштейну после просмотра в Кремле и приказал переделать фильм.

Но режиссер выполнить приказ не успел, не пережив потрясения, меньше чем через год в ночь с 10 на 11 февраля 1948 года скончался от инфаркта.

Еще до выхода на большой экран «Ивана Грозного» показали на даче. Отец посмотрел фильм, но после просмотра ничего не сказал. Вскоре

вторую серию «Ивана Грозного» увидели все. Особого резонанса у обычных зрителей, в том числе у меня, она не вызвала.

В феврале 1958 года крестьяне начали выходить из «крепостной зависимости», им возвращали паспорта, отобранные Постановлением ЦИК от 27 декабря 1932 года. Тогда крестьяне бежали от коллективизации куда глаза глядят, село обезлюдело, и Сталин «решил вопрос» в своей манере, закрепостил их. По сталинскому приказу, крестьянину позволялось покидать свою деревню только с разрешения сельсовета, который выдавал ему соответствующую бумажку-справку. Собственно, он не придумал ничего нового, точно так же Иван Грозный боролся с «текучестью» землепашцев, упраздняя «Юрьев день», в который им испокон веку позволялось переходить от одних хозяев к другим, от одного землевладельца к другому.

Теперь крестьяне повторно после 1861 года получали волю, право на паспорт, право на гражданство. Правда, как и в 1861 году, не обошлось без оговорок. В Постановлении о «паспортизации крестьян» записали, что паспорта эти временные и дают их только «отходникам», выезжающим в другие области, к примеру, на уборку на целину, в город на работу, на учебу или еще по какой надобности. Только закрепившись там, появлялась возможность обменять «крестьянский» паспорт на более надежный городской. Процесс паспортизации завершится 28 августа 1974 года, когда выйдет закон, предоставляющий право на паспорт всем и навсегда – но август 1974 года начинался в феврале 1958-го.

29 сентября к отцу снова приезжает Элеонора Рузвельт. У них сложились теплые, если не сказать дружеские, отношения.

6 октября у отца гостит еще один американец, президент Национальной ассоциации кинопромышленников США Эрик Джонстон. Он заинтересован в «проталкивании» американских фильмов на советский экран. Отец не возражает, но на условиях взаимности: в ответ в США должно появиться советское кино. Джонстон мнетя, такое решение вне его компетенции, тут завязаны и интересы кинопроката, и надо еще получить разрешение Госдепартамента.

Тем не менее, они расстаются довольные друг другом. В следующем году Джонстон навестит отца во время его визита в США, подарит ему пару миниатюрных беленьких собачек, неизвестной у нас тогда мексиканской породы чихуа-хуа, которые проживут у моей сестры Рады много лет. Я слышал от собаководов, что от них ведут свою родословную российские чихуа-хуа.

В октябре, возвращаясь на машине из отпуска, отец по пути осматривал поля, инспектировал уборку урожая, проводил в областных центрах совещания. 14 октября он – в Ставропольском крае, 15-го – в Краснодарском. От туда 16-го переезжает в Ростовскую область. 18-го – уже в Курске, по пути заскакивает в свою родную Калиновку. 19 октября отец в Москве. 31 октября он проводит совещание свекловодов. 12 ноября докладывает Пленуму ЦК о плане семилетки 1959–1965 годов и в тот же день принимает знаменитого английского физика Джона Кокрофта, лауреата Нобелевской премии, создателя первого английского ускорителя протонов, во время войны руководителя разработки английских радаров. С 1946 года Кокрофт

директор Центра по атомной энергии в Харуэлле. Там они познакомились во время поездки отца в Великобританию в 1956 году.

14 ноября отец выступает на приеме в Кремле в честь выпуска военных академий.

15 ноября газеты сообщают об окончании работы Пленума ЦК. На своем последнем заседании члены ЦК, как обычно, решали организационные вопросы, освободили товарища Н. И. Беляева от обязанностей секретаря ЦК КПСС в связи с «необходимостью сосредоточиться на проблемах Казахстана». На самом деле Игнатов добился своего, выжил конкурента-сельскохозяйственника со Старой площади. Позиции его усилились, что не устраивало ни Козлова, ни Кириченко, ни Микояна.

4 декабря 1958 года на Балтийском заводе, где раньше строили крейсера, спущен на воду крупнейший в стране танкер «Пекин» водоизмещением 40 тысяч тонн.

7 декабря отец на открытии I съезда писателей Российской Федерации.

18 декабря принимает делегацию муниципалитета Парижа.

20 декабря присутствует на открытии памятника Феликсу Дзержинскому на Лубянской площади.